

— Почему внутри всё по-другому? Я только что пыталась вытащить, они вообще иначе лежали!

— Наверное, продавщица пересчитывала. Сказала же, что они уже закрываются.

Мягкие совы сгрудились кособокой кучей, но одна лежала прямо у приёмного лотка. Её подпёрли сзади так, что она едва держалась на самом краю — толкни слегка, и сама свалится вниз.

— Вы ещё и помогаете игрушки переставлять? — тихо спросил Лу Бинчэнь.

Продавщица улыбнулась:

— Вы у нас, должно быть, впервые? Постоянные посетители знают: если никак не получается вытащить понравившуюся вещь, всегда можно попросить нас подправить её положение. Когда кто-то очень хочет игрушку и спускает кучу попыток, мы подходим и перекладываем её поудобнее. Обычное дело.

Она мельком взглянула на юношу и добавила:

— Правда, к этому автомату мы обычно не прикасаемся...

В зале горели гирлянды из мелких звёздочек, и этот тёплый свет гипнотически очерчивал породистые, безупречные черты его лица. От одного его взгляда у девушки перехватило дыхание. Смутившись, она густо покраснела и поспешно отвела глаза:

— Но сегодня можно сделать исключение. Давайте я вам помогу.

Она отперла стеклянную дверцу и соорудила из сов горку прямо у приёмного лотка, а самую верхнюю уложила так, что та буквально повисла над отверстием.

Картинка один в один совпала с тем, что всплыло из глубин памяти.

— Спасибо, — сипло выдавил Лу Бинчэнь.

Пальцы сжали рычаг, повторяя выверенную до миллиметра траекторию из прошлого. Время словно замедлило свой ход, натягиваясь тугой струной. Перед глазами кадр за кадром проплыли минувшие дни, с невероятной точностью наложившись на реальность.

Грудь сдавило глухой болью.

Лу Бинчэнь всегда знал, что Руань И в него влюблён, знал, как тот заботится о нём. Вот только

всю глубину этого чувства, всю невероятную чуткость, всеобъемлющую нежность и терпение он осознал лишь теперь. Когда потерял Руань И, преданно любившего его.

Раньше он не придавал этому ни малейшего значения. Вокруг него постоянно вьются люди, мечтающие заслужить внимание. Те, у кого не хватало статуса, даже приблизиться к нему не могли. Чужая симпатия никогда не казалась ему чем-то редким или ценным. Чем же любовь Руань И отличалась от всех остальных?

Поэтому он принимал всё как должное, палец о палец не ударив ради ответа.

И вот теперь, когда до него наконец дошло, когда он захотел беречь то, что имел, — почему всё пошло крахом? Он прикладывал в разы больше усилий, чем в прошлой жизни, был искренен как никогда, но не мог стать ближе к Руань И. Напротив — тот отдалялся с каждым днём.

Почему в тот самый момент, когда он оценил сокровище, бывшее у него в руках, и вознамерился отвечать взаимностью, Руань И просто выбросил его из сердца? При воспоминании о ледяном равнодушии, частых отказах, пустом, отстранённом взгляде и явном стремлении провести между ними непроницаемую черту, в груди Лу Бинчэня вспыхивала ярость.

Он уже сам не понимал, чего в нём больше — бешенства или первобытного страха.

С силой ударив по кнопке, он заставил железный захват опуститься. Металлические пальцы зацепили сову, пронесли её над пропастью и разжались.

Плюш с мягким стуком свалился в приёмник.

Лу Бинчэнь достал игрушку. Чёрная, пушистая сова с большими золотистыми глазами-пуговицами легла на ладонь.

Пальцы медленно и крепко сжались на мягком боку — точно так же, как он сжимал запястье Руань И, не желая отпускать.

То ли из-за того, что накануне он заснул на диване и его продуло ночным сквозняком, то ли по иной причине, но, когда прозвенел будильник, Руань И едва сумел подняться. Голова раскалывалась, перед глазами всё плыло.

Аппетита не было вовсе. Затолкав в себя пару ложек еды, он подхватил рюкзак и поплёлся в школу. Всю дорогу его мучила дурнота, а на лестнице он едва не пересчитал носом ступени, оступившись на ровном месте.

— Красавчик, ты в порядке? — ахнула Тун Тун, едва взглянув на него. — На тебе же лица нет!

Руань И с трудом удерживал голову прямо:

— Наверное, просто не выспался...

— Да ты выглядишь так, будто трое суток не смыкал глаз. Может, всё-таки возьмёшь отгул?

— Не надо, — пробормотал Руань И. — Полежу немного на парте, и всё пройдёт.

Он уткнулся лицом в сложенные руки. Слева от него, приняв точно такую же позу, дремал Юань Цзинь. Впрочем, тот изо дня в день приходил в класс, натягивал капюшон на самые глаза и отключался до конца уроков — Тун Тун давно привыкла к его режиму сна.

Девушка вздохнула, выдернула из тетради чистый лист и размашисто набросала записку:

— Ладно, отлежись. Если совсем прижмёт, дуй в медпункт, а я отнесу освобождение Старику Чжэну на подпись.

— Спасибо, — тихо отозвался Руань И.

Руань И и сам не ожидал, что провалится в забытье до самого конца третьего урока. Если бы Юань Цзинь не толкнул его в плечо, он бы так и остался лежать.

Четвёртым часом стояла физкультура. Кабинет успел опустеть наполовину — остальные одноклассники неспешно подтягивались к выходу.

Юань Цзинь сощурился, внимательно вглядываясь в его бледное лицо, и глухо спросил:

— У тебя что, жар?

Голова всё ещё работала со сбоями. Руань И медленно распрямил спину и приложил ладонь к лбу. Кожа и вправду горела.

Юань Цзинь окинул его коротким взглядом, молча брякнул на парту блистер с антибиотиком и, развернувшись, вышел из класса.

Проглотив таблетку и запив её водой, Руань И просидел на месте ещё пару минут. То ли подействовала химия, то ли сработал эффект плацебо, но дикая муть в голове немного рассеялась. Поднявшись, он направился к спортивному комплексу.

В Шестой школе к физическому воспитанию относились со всей серьёзностью. Помимо стандартных футбольного поля и баскетбольных площадок, на территории возвели трёхэтажный спортивный комплекс. На первом этаже располагались залы для настольного тенниса, большого тенниса и волейбола; на втором — секции йоги, аэробики и зал таэквондо; а на крыше оборудовали два открытых бассейна — детский и глубокий. В первом классе старшей школы программу строили так, чтобы ученики успели опробовать все направления. Сегодня двадцать третьему классу как раз выпало таэквондо.

Когда Руань И переступил порог зала, спорторг Пу Русун уже закончил проводить с классом разминку.

Учитель физкультуры насупил брови:

— Опаздываем?

На прошлом занятии физрук чётко обозначил правила: за опоздание положено двадцать подъёмов колен, двадцать отжиманий и пять кругов по залу. Руань И молча, без лишних вопросов отжался, отпрыгал нужную норму и побежал по периметру.

Вдруг из строя раздался ехидный выкрик:

— Учитель! Прошу слова! Я против!

Физрук повернул голову:

— Это против чего ещё?

— Думаю, дать Руань И всего пять кругов — нечестно! — заявляя это с широкой ухмылкой, парень обвёл взглядом класс. — Особенно по отношению к тем, кто опоздал на прошлой неделе. Настоящая дискриминация!

Говорившим был Вэнь Цзыхао. В классе его любили: хоть он и крутился в компании Брата Леопарда, но, в отличие от прочих отморожков, ходивших с важным видом, постоянно паясничал, отмачивал шуточки и легко сходилась с кем угодно.

Стоило ему подать голос, как тут же подхватил один из штрафников прошлой недели:

— Точно-точно, Цзыхао дело говорит! На прошлом уроке мы бегали по стадиону — а там круг четыреста метров, между прочим! А в зале таэквондо от силы метров двести наберётся. Предлагаю накинуть Руань И ещё парочку кругов!

Подросткам только дай повод устроить балаган. Толпа мгновенно зашумела, взрываясь гоготом

и едкими выкриками.

Физрук нахмурился, но не стал раздувать из шутки проблему. Небрежно махнув рукой, он бросил:

— Ладно. Руань И, добавишь ещё два круга...

— А я против! — Тун Тун выскочила из строя. — Учитель, Руань И плохо себя чувствует!

— Плохо чувствует? — Мужчина смерил озабоченную школьницу строгим взглядом, а затем посмотрел на Руань И: тот стоял ровно, одышки и обильного пота видно не было. Голос преподавателя огрубел: — Где освобождение? Классный руководитель подписал? Печать медпункта стоит?

—... Нет справки, — спокойно ответил Руань И.

— Нет? Значит, бегом марш! — отрезал физрук. — Пять кругов, даю три минуты. Не уложишься — пробежишь ещё пять. Пора вам преподавать урок, чтобы впредь неповадно было опаздывать!

Тун Тун сжала кулаки, проклиная себя за глупость. Не нужно было вмешиваться — учитель ни на грош не поверил в болезнь. Злобно обернувшись, она смерила Вэнь Цзыхао испепеляющим взглядом. Тот, словно ожидая этого, сложил ладони вместе и шутливо поклонился, сделав виноватое лицо. Лицо его выражало такое искреннее «сожаление», что девушка смутилась и отвернулась.

После бега хвороба, которую Руань И пытался заглушить лекарствами, накатила с удвоенной силой. Преодолевая волны тошнотворного головокружения, он прислонился к стене и смахнул со лба холодный пот.

На этом занятии физрук отрабатывал с ними базовые удары руками и ногами. Устроив показательное выступление, он врезал по всяческому боксёрскому мешку так, что пузатый снаряд отлетел назад, а затем закрепил успех комбинацией из бокового ляга и апперкота. Ребята пришли в неописуемый восторг и оглушительно зааплодировали.

Руань И, у которого до сих пор земля уходила из-под ног, не стал лезть в гущу событий. Внезапно он перехватил взгляд Чжан Цзымина. Брат Леопард повернулся и одарил его улыбкой — до того гнусной и плотоядной, что по спине пробежал мороз.

Развернувшись к толпе, Леопард подал незаметный знак Вэнь Цзыхао. Тот тихо вильнул в сторону, выскользнул из окружения и направился прямо к Руань И.

Подойдя почти вплотную, Цзыхао с прищуром взгляделся в испарину на лбу одноклассника:

— Заболел, что ли?

— Извини, не знал, — хмыкнул он, хотя ни в голосе, ни на лице не было и тени раскаяния. — Впрочем, знай я заранее, всё равно от наказания тебе было не отвертеться. Ну что, хреново тебе? Скажу прямо, Руань И: если продолжишь в том же духе, дальше будет только хуже. Намного хуже.

Руань И сощурился:

— Выкладывай прямо, без загадок.

Вэнь Цзыхао, сделав паузу, тихо процедил:

— На кой чёрт ты впрягся за Линь Хэлая? Зачем встал поперёк дороги Леопарду? Ты же сидишь за одной партой с Юань Цзинем — неужели он тебя не предупреждал?

— Предупреждал, — Руань И открутил крышку спортивной бутылки, сделал пару отхлебков воды и сухо произнёс: — А теперь я предупреждаю тебя. Отступи на пару шагов. Разговаривай со мной на дистанции. Случайно задену — кто виноват будет?

Наигранное спокойствие Вэнь Цзыхао дало трещину. Он стиснул зубы и оскалился:

— Такой дерзкий? По-хорошему не понимаешь?

— Отчего же, понимаю, — ответил Руань И. — Вот только это не хороший совет. Это угроза.

— Ну ты и тварь смелая, — прошипел Цзыхао. — Смотри, как бы тебе...

Руань И сходу перебил его:

— Ты, глядя на то, как я вожусь с Линь Хэлаем, решил, будто я бесхребетный добряк? У меня действительно терпимый характер, но далеко не для всех. К примеру, на тебя и твоего Леопарда моя доброта не распространяется.

— Вы тут раздули щёки и строите из себя всемогущих авторитетов, думая, будто можете согнуть меня в бараний рог одним мизинцем... С чего такая уверенность? — Руань И усмехнулся. — Завели знакомство с Лян Юем, услышали от него парочку грязных сплетен о моей жизни — и решили, что поймали Бога за бороду?

Физиономия Цзыхао перекосилась. Хотя он моментально натянул прежнюю маску, Руань И успел подметить мелькнувший в его глазах дикий испуг.

— Откуда ты знаешь?.. — хрипло выдавил Вэнь Цзыхао.

— Догадался.

На самом деле ещё тогда, когда Ли Кэ проговорила, что среди приятелей Лян Юя есть его одноклассники, Руань И сразу вычислил шайку Леопарда. Не велика премудрость — кроме этой шпаны, других кандидатов просто не существовало.

Он прекрасно понимал, что Леопард попытается шантажировать его этими слухами, но догадывался и о кое-чём ещё.

— Вы ведь и Линь Хэлая этим прижали, верно? Заявили, что если я выведу Леопарда из себя, вы с потрохами продадите меня всей школе и спустите моих собак. Вот почему Хэлай молча терпел, когда шестёрки закрывали его в общежитии, и боком обходил людей. Он боялся, что я узнаю и пойду за него заступаться.

Вэнь Цзыхао инстинктивно отступил на шаг назад и сжал челюсти так, что желваки заходили ходуном.

— Впрочем, даже если бы я бросил Хэлая на произвол судьбы, вы бы всё равно не унялись и продолжили плести свои интриги, — Руань И сделал ещё один глоток.

Вся эта мышиная возня вызывала у него лишь тошноту, но если не расставить точки над «i», эти дряни так и будут лезть со своими кознями.

— Лян Юй, — ровным тоном произнёс он, — намекнул вам, что меня стоит проучить. Я прав?

Вэнь Цзыхао передёрнуло, и он отшатнулся ещё на шаг.

Их шушуканье в дальнем углу наконец привлекло внимание физрука.

— Эй, двое в углу! А ну марш сюда! — раздался громкий оклик. Учитель за шиворот подтащил их к матам, расставив по обе стороны от тяжёлого снаряда: — Всё выучили, да? Мои объяснения вам без надобности? Отлично! Будете первой парой. Выходите и демонстрируйте класс!

Оба встали на тёмно-зелёный спортивный мат. Вэнь Цзыхао в приёмах таэквондо не смыслил ровным счётом ничего. На его лице мелькнула паника, но тут из строя вырвался дружный «ах» — подняв глаза, он увидел, как Руань И стремительным, молниеносным движением вскинул ногу для бокового удара.

Не успев ничего сообразить, Цзыхао чисто на инстинктах кубарем покатился влево, едва

увернувшись от удара.

Раздался оглушительный грохот: огромный боксёрский мешок, сметённый с петли дикой дурью удара, снарядом полетел через весь зал и со всей дури врезался в противоположную стену.

У Вэнь Цзыхао подкосились ноги, а сердце ушло в пятки. Мозги заклинило, будто от короткого замыкания, и лишь спустя пару секунд мыслительный процесс начал со скрежетом восстанавливаться.

С трудом поднявшись на ноги, он посмотрел в сторону строя — рожа Чжан Цзымина была чернее тучи.

<http://bllate.org/book/20540/2132142>